

Н.В. Вамбольдт, М.П. Шубина

Омский государственный педагогический университет

Повседневность в истории

09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры

А

В статье раскрывается роль изучения повседневности как анализ жизненного мира простых людей, повседневного поведения и повседневных переживаний. Повседневность – это мир всех людей, в котором исследуется не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания.

Противоречия между абстрактностью общих законов науки (в том числе истории) и конкретной жизни обычных людей послужило основанием для поисков новых подходов в историческом познании. История отображает общее, отвлекаясь от частных, обращая внимание на законы и общие тенденции развития. Простому человеку с его конкретными обстоятельствами и подробностями жизни, с особенностями его восприятия и переживания мира не оставалось места, он отсутствовал. Из поля зрения ученых-историков выпала индивидуализированная повседневная жизнь человека, сфера его переживаний, конкретно-исторические аспекты его бытия.

Историки обратились к исследованию повседневности как одному из возможных путей разрешения названного выше противоречия. Ситуация, сложившаяся в настоящее время в истории, также способствует этому.

Современная историческая наука переживает глубокую внутреннюю трансформацию, которая проявляется в смене интеллектуальных ориентаций, исследовательских парадигм, самого языка истории. Сегодняшняя ситуация в историческом познании все чаще характеризуется как постмодернистская. Пережив «наступление структурализма», который стал «новым сциентизмом» в 60-е годы, «лингвистический поворот» или «семиотический взрыв» в 80-е годы XX века, историография не могла не испытать на себе воздействия постмодернистской парадигмы, которая распространила свое влияние на все сферы гуманитарного знания. Ситуация кризиса, пик которой западная историческая наука переживала в 70-е годы XX в., отечественная наука испытывает именно сегодня.

Пересмотру подвергаются и само понятие «исторической реальности», а с ним и собственная идентичность историка, его профессиональный суверенитет, критерии достоверности источника (размываются границы между фактом и вымыслом), вера в возможность исторического познания и стремление к объективной истине. Пытаясь разрешить кризис, историки разрабатывают новые подходы и новые идеи, в том числе, обращаются к категории «повседневность» как к одному из вариантов выхода из кризиса.

Современная историческая наука выявила пути, позволяющие приблизиться к пониманию исторического прошлого через его субъекта и носителя – самого человека. Всесторонний анализ материальных и социальных форм повседневного существования человека – его жизненного микромира, стереотипов его мышления и поведения – рассматривается как один из возможных в этом отношении подходов.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века, вслед за западной и в отечественной исторической науке наблюдается всплеск интереса к повседневности. Появляются первые работы, где упоминается повседневность. Печатается серия статей в альманахе «Одиссей», где предпринята попытка теоретического осмысления повседневности. Это статьи Г.С. Кнабе [1], А.Я. Гуревича [2], Г.И. Зверевой [3]. Интересы также рассуждения С.В. Оболенской [4] в статье «Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта» о методах изучения истории повседневности на примере рассмотрения индивидуальной биографии некоего Йозефа Шефера. Удачной попыткой комплексного описания повседневной жизни населения в Веймарской республике является вышедшая в 1990 году работа

И.Я. Биска [5]. Используя обширную и разнообразную источниковую базу, он достаточно полно описал повседневную жизнь различных слоев населения Германии Веймарского периода: социально-экономический быт, нравы, духовную атмосферу. Он приводит убедительные данные, конкретные примеры, описывает питание, одежду, жилищные условия и т.д. Если в статьях Г.С. Кнабе, А.Я. Гуревича, Г.И. Зверевой дается теоретическое осмысление понятию «повседневность», то статьи С.В. Оболенской и монография И.Я. Биска – это исторические работы, где авторы на конкретных примерах пытаются описать и определить что есть «повседневная жизнь».

Начавшийся было поворот внимания отечественных историков к изучению повседневности в последние годы уменьшился, так как не хватает источников и серьезного теоретического осмысления этой проблемы. Следует помнить о том, что нельзя не учитывать опыт западной историографии – Англии, Франции, Италии и, конечно, Германии.

В 60–70-е гг. XX в. возник интерес к исследованиям, связанным с изучением человека, и в связи с этим немецкие ученые первыми начинают заниматься историей повседневности. Прозвучал лозунг: «От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к маленьким жизненным миркам, к повседневной жизни обыкновенных людей» [6]. Возникло направление «история повседневности» (Alltagsgeschichte) или «история снизу» (Geschichte von unten). Что же понимали и понимают под повседневностью? Как интерпретируют ее ученые?

Имеет смысл назвать наиболее крупных немецких историков повседневности. Классик в этой области, конечно, такой историк-социолог, как Норберт Элиас с его работами «О понятии повседневности» [7], «О процессе цивилизации» [8], «Придворное общество» [9]; Петер Боршайд и его работа «Разговоры об истории повседневности» [10]. Хотелось бы обязательно назвать историка, занимающегося вопросами Нового времени, – Лутца Нейхаммера, который работает в университете г. Хагена, и очень рано, уже в 1980 г., в статье журнала «Историческая дидактика» («Geschichtsdidaktik»), исследовал историю повседневности. Эта статья называлась «Примечания к истории повседневности» [11]. Известна его другая работа «Жизненный опыт и коллективное мышление. Практика «Oral History» [12].

А такой историк, как Клаус Тенфельд, занимается и теоретическими и практическими вопросами истории повседневности. Его работа теоретического плана называется «Трудности с повседневностью» [13] и представляет собой критическую дискуссию повседневно-исторического течения с прекрасным списком литературы. Издание Клауса Бергмана и Рольфа Шеркера «История в повседневности – повседневность в истории» [14] состоит из ряда работ теоретического плана. Также проблемой повседневности как теоретически, так и практически занимается доктор Пойкерт из Эссена, который издал ряд работ теоретического плана. Одна из них «Новая история повседневности и историческая антропология» [15]. Известны следующие работы: Петер Штайнбах «Повседневная жизнь и история деревни» [16], Юрген Кокка «Классы или культуры? Прорывы и тупики в рабочей истории» [17], а также замечания Мартин Броскат на работу Юргена Кокка [18], и ее интересная работа по проблемам истории повседневности в Третьем Рейхе. Есть также обобщающая работа Ю. Кусцински «История повседневности немецкого народа. 1600–1945» [19] в пяти томах.

Такой труд как «История в повседневности – повседневность в истории» [20] – это сборник работ различных авторов, посвященных повседневности. Рассматриваются следующие проблемы: повседневность рабочих и прислуги, архитектура как источник истории повседневности, историческое сознание в повседневности современности и т.д.

Очень важно отметить, что по проблеме истории повседневности была проведена в Берлине (3-6.10.1984) дискуссия, которая в заключительный день называлась «История снизу – история изнутри». И под этим названием под редакцией Юргена Кокка были изданы материалы дискуссии [21].

Выразителями новейших потребностей и тенденций в историческом познании в начале XX века стали представители школы «Анналов» – это Марк Блок, Люсьен Февр и, конечно, Фернан Бродель. «Анналы» в 30-х гг. XX в. обратились к исследованию человека-труженика, предметом их изучения становится «история масс» в противовес «истории звезд», история, видимая не «сверху», а «снизу». Разрабатывалась «география человека», история материальной культуры, историческая антропология, социальная психология и другие, остававшиеся до того в тени направления исторических исследований.

Марк Блок был озабочен проблемой противоречия между неизбежным схематизмом исторического познания и живой тканью реального исторического процесса. Его деятельность была направлена на разрешение этого противоречия. Он, в частности, подчеркивал, что в центре внимания историка должен быть человек, и тут же спешил поправить себя – не человек, а люди. В поле зрения Блока – типическое, преимущественно массовидные явления, в которых можно обнаружить повторяемость [22].

Сравнительно-типологический подход является важнейшим в историческом исследовании, но в истории регулярное проступает сквозь частное, индивидуальное. Генерализация сопряжена с упрощением, выпрямлением, живая ткань истории куда сложнее и противоречивее, поэтому Блок сопоставляет обобщенную характеристику того или иного исторического явления с ее вариантами, показывает в индивидуальном проявлении, тем самым обогащает исследование, делает его насыщенным конкретными вариантами. Так, М. Блок пишет, что картина феодализма не есть совокупность абстрагированных от живой действительности признаков: она приурочена к реальному пространству и историческому времени и опирается на свидетельства многочисленных источников.

Одна из методологических идей Блока заключалась в том, что исследование историка начинается вовсе не со сбора материала, как часто воображают, а с постановки проблемы, с разработки предварительного списка вопросов, которые исследователь желает задать источникам. Не довольствуясь тем, что обществу прошлого, скажем средневекового, заблагорассудилось сообщить о себе устами хронистов, философов, богословов, историк путем анализа терминологии и лексики сохранившихся письменных источников способен заставить сказать эти памятники гораздо больше. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти вопросы, а чужая культура отвечает нам. При диалогической встрече культур, каждая из них сохраняет свою целостность, но они взаимно обогащаются. Историческое познание и есть такой диалог культур [22 С.204].

Изучение повседневности предполагает поиск фундаментальных структур в истории, задающих порядок человеческих действий. Этот поиск начинается с историков школы «Анналов». М. Блок понимал, что под покровом феноменов, понимаемых людьми, лежат потаенные пласты глубинной социальной структуры, которая и детерминирует изменения, происходящие на поверхности общественной жизни. Задача историка – заставить прошлое «проговориться», т.е. сказать то, чего оно не осознавало или не собиралось высказать.

Писать историю, в которой действуют живые люди – девиз Блока и его последователей. Коллективная психология привлекает их внимание еще и потому, что в ней выражается социально детерминированное поведение людей. Новый тогда для исторической науки вопрос – человеческая чувствительность. Нельзя претендовать на понимание людей, не зная как они себя чувствовали. Взрывы отчаяния и ярости, безрассудные поступки, внезапные душевные переломы – доставляют немало трудностей историкам, которые инстинктивно склонны реконструировать прошлое по схемам разума. М. Блок и Л. Февр в истории чувств и образа мышления видели свои «заповедные уголья» и увлеченно разрабатывали эти темы.

У М. Блока есть наброски теории «времени большой длительности», впоследствии разработанной Фернаном Броделем. Представители школы «Анналов» занимаются преимущественно временем большой протяженности, то есть они изучают структуры повсе-

дневности, очень медленно изменяющиеся во времени или вообще фактически не изменяющиеся. При этом изучение подобных структур является главной задачей любого историка, так как они показывают сущность ежедневного бытия человека, стереотипы его мышления и поведения, регулирующие его повседневное существование.

Непосредственная тематизация проблемы повседневности в историческом познании, как правило, связывается с именем Фернана Броделя. Это вполне закономерно, ведь первая книга его знаменитого труда «Материальная экономика и капитализм XV–XVIII вв.» так и именуется: «Структуры повседневности: возможное и невозможное». Он писал о том, как можно познать повседневность: «Материальная жизнь – это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи – пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов – словом все, что служит человеку – вот единственный способ ощутить его повседневное существование» [23]. И условия повседневного существования, тот культурно-исторический контекст, на фоне которого разворачивается жизнь человека, его история, оказывают определяющее влияние на поступки и поведение людей.

Фернан Бродель писал о повседневности: «Исходным моментом для меня была, – подчеркивал он, – повседневность – та сторона жизни, в которую мы оказались вовлечены, даже не отдавая себе в том отчета, – привычка, или даже рутинная, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничьего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем на половину погружено в такого рода повседневность. Неисчислимы действия, передававшиеся по наследству, накапливающиеся без всякого порядка. Повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить – и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, нуждающих в действии, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам» [24].

Далее он пишет о том, что это древнее прошлое вливается в современность и ему хотелось увидеть самому и показать другим как это прошлое, едва замечаемая история – как бы слежавшаяся масса обыденных событий – за долгие века предшествующей истории вошло в плоть самих людей, для которых опыт и заблуждения прошлого стали обыденностью и повседневной необходимостью, ускользающей от внимания наблюдателей [24 С.14-15].

В работах Фернана Броделя содержатся философско-исторические размышления об отмеченной знаком рутины материальной жизни, о сложных переплетениях различных уровней исторической реальности, о диалектике времени и пространства. Читатель его произведений сталкивается с тремя разными планами, тремя уровнями, в которых одна и та же реальность схватывается по-разному, содержательные и пространственно-временные ее характеристики изменяются. Речь идет о быстротечном событийно-политическом времени на самом верхнем уровне, значительно более долговременных социально-экономических процессах на более глубоком, и почти вневременных природно-географических процессах на самом глубинном уровне. Причем различие этих трех уровней (фактически Ф. Бродель усматривает еще несколько уровней в каждом из этих трех) – это не искусственное рассечение живой реальности, а рассмотрение ее в разных преломлениях.

В самых нижних слоях исторической реальности как в морских глубинах господствуют постоянства, стабильные структуры, основными элементами которых являются человек, земля, космос. Время протекает здесь настолько медленно, что кажется почти неподвижным. На следующем уровне – уровне общества, цивилизации, уровне, который изучает социально-экономическая история, действует время средней длительности. Нако-

нец, самый поверхностный слой истории: здесь события чередуются как волны в море. Они измеряются короткими хронологическими единицами – это политическая, дипломатическая и тому подобная «событийная» история.

Для Ф. Броделя сфера его личных интересов – это почти неподвижная история людей в их тесной взаимосвязи с землей, по которой они ходят, и которая их кормит; историю беспрерывно повторяющегося диалога человека с природой столь упорного, как если бы он был вне досягаемости для ущербов и ударов, наносимых временем. До сих пор одной из проблем исторического познания остается отношение к утверждению, что историю в целом можно понять только в сопоставлении ее с этим необозримым пространством почти неподвижной реальности, в выявлении долговременных процессов и явлений.

Так что же такое повседневность? Как ее можно определить? Попытки дать однозначное определение не имели успеха: повседневность используется некоторыми учеными как собирательное понятие для проявления всех форм частной жизни, другие понимают под этим ежедневные повторяющиеся действия так называемых «серых будней» или сферу естественного нерелективного мышления. Немецкий социолог Норберт Элиас в 1978 году отмечал, что нет точного, четкого определения повседневности. То, как используется это понятие в социологии сегодня, включает в себя самую разнообразную шкалу оттенков, но и они остаются до сих пор не выявленными и непонятными для нас [7. С.22-23].

Н. Элиас предпринял попытку дать определение понятия «повседневность». Его давно интересовала эта тема. Иногда его самого причисляли к тем, кто занимался этой проблемой, так как в двух своих работах «Придворное общество» [9] и «О процессе цивилизации» [8] он рассматривал вопросы, которые легко могут быть классифицированы как проблемы повседневности. Но сам Н. Элиас не считал себя специалистом по повседневности и решил внести ясность в это понятие, когда его пригласили написать статью по этой теме. Норберт Элиас составил предварительные списки некоторых способов применения этого понятия, которые встречаются в научной литературе.

Образцы современных понятий повседневности с подразумевающимися понятиями с противоположным смыслом

<i>Повседневность</i>	<i>Не-повседневность</i>
1. Повседневность	Праздничный день
2. Повседневность = Рутин	Необычные, нерутинизированные общественные области
3. Повседневность = Рабочий день (особенно рабочих)	Область жизни буржуазии, людей, которые живут от прибыли, т.е. не работают
4. Повседневность = Жизнь народных масс	Жизнь высокопоставленных лиц и властителей (королей, принцев и принцесс, президентов, членов правительства, руководителей партии, членов парламента)
5. Повседневность = Событийные области обыденной жизни	Все то, что традиционное политическое описание истории рассматривает как единственно важное и «большое событие»
6. Повседневность = Частная жизнь (семья, любовь, дети)	Общественная или профессиональная жизнь
7. Повседневность = Сфера нормальных, нерелективных, правдивых переживаний и мыслей	Сфера рефлекторных, искусственных, научных переживаний и мыслей

8. Повседневность (сознание повседневности) = Воплощение идеологических, наивных, непроду- манных и фальшивых переживаний и мыслей	Настоящее и правдивое сознание
--	--------------------------------

Итак, он пытался дать определенное понятие повседневности через противопоставление не-повседневности. И отмечает, что в начале 80-х гг. история повседневности – это пока что «ни рыба, ни мясо» [7].

Ответы на поставленные вопросы пытались дать многие немецкие историки, в частности, Петер Боршайд, который, заметил, что «повседневность» используется некоторыми учеными как собирательное понятие для всех форм проявления частной жизни; другие охватывают, в том числе, ежедневные повременные действия так называемой «серой повседневности» или сферу естественного нерerefлексивного мышления [10 С.1].

П. Боршайд соглашается с упреком Ю. Кокка, что очень часто то, что называют историки «историей повседневности» – есть на самом деле не больше чем собрание различных анекдотов и произвольная смесь многих непроверенных фактов. И во многих этих работах часто не определена предметная область повседневности.

Многие разработки, которые относят к исследованиям по истории повседневности, охватывают следующие темы: проведение свободного времени, культура рабочих, праздники и традиции, которые открывают исторической науке некоторые новые поля для исследований. Но все же вопрос о значимости таких исследований получит неудовлетворительный ответ, так как очень часто у читателя возникает впечатление, что он находится в музейных остатках универсама, в котором как на толкучке, предлагаются мелочи, что продаются во время движения ностальгической волны.

Остается опасность, что история повседневности будет рассматриваться только как история маленького человека и как продолжение рабочей истории или как история героических действий маленького человека.

Существует угроза впасть в крайность. Ведь и буржуазия, и дворянство, и «большие люди» имеют будний день. Многочисленность ложных путей и опасностей для еще молодой истории повседневности покоится также на отсутствии пригодного понятия повседневности и применяемой в истории теоретической концепции, при помощи которой были бы возможны ограничение предмета исследования, расчленение бесконечного вороха информации и подготовка каузальных гипотез и вопросов, не говоря о том, является ли повседневность вообще особенной сферой с автономной структурой. Многообразие смыслов понятия повседневности, находящееся в обращении, также объясняет насущную проблему обозначения границы между «повседневностью» и «не-повседневностью».

Итак, П. Боршайд пытался ответить на многие вопросы, касающиеся повседневности, и определиться с понятиями; при этом он изучил исследование Агнес Хеллер, которая присуждает повседневности принципиальную необходимую позицию «индивидуального воспроизводства» [25].

Ее теория повседневности привлекла его внимание. Он характеризует повседневность теми же категориями, что и А. Хеллер. По ее определению, «повседневная жизнь есть совокупность деятельности индивидуумов к их воспроизводству, которые, соответственно, создают возможность к общественному воспроизводству» [25. С.250]. Так как никакой одиночка и никакое общество не может жить без своей репродукции, то в каждом обществе существует повседневная жизнь. И отправной, и конечной точкой для А. Хеллер является деятельность каждого. В повседневности человек находит и формирует свою личность, в ней он развивает свои способности. Как А. Хеллер, так и П. Боршайд выделяет три категории, которыми регулируется и определяется повседневность человека: предметы, созданные людьми, обычаи, язык. Предметы, а еще можно сказать, устройства или вещи, возглавляют материально-техническую деятельность. Они являются преимущест-

венно результатами работы. Обычаи руководят человеческими отношениями. В языке же активизируются человеческие мысли.

П. Боршайд отмечает, что он не полностью согласен с моделью А. Хеллер, а только в основном. Эта модель не позволяет четко разделить повседневное от не-повседневного. Очевидно, что граница между повседневностью и не-повседневностью размыта, и действия, которые можно относить к одной из двух областей, могут тесно соприкасаться друг с другом. И, по мнению П. Боршайда, существенным, решающим признаком повседневной деятельности является повторение, которое создает обязательный фундамент всем человеческим мыслям и действиям.

И на вопрос о связи повседневности и не-повседневности можно ответить, что значение повседневной жизни, прежде всего, в том, что она представляет собой предварительную школу для не-повседневности, так как здесь изучаются основные исполнительские навыки, которые люди могут совершенствовать вне повседневности, и извне способствовать тому, чтобы «серая», трудоемкая часть повседневности стала сносной, чтобы уменьшились хлопоты повседневности.

Таким образом, Петер Боршайд в своих размышлениях о повседневности затронул основные вопросы, касающиеся «истории повседневности», изучая при этом исследования социолога Агнес Хеллер. Это вопросы основных категорий: повседневность, повседневная жизнь, жизненный мир; основные сферы, регулирующие повседневность: вещи, обычаи, мысли, а также религия. Также он столкнулся с проблемой связи между повседневностью и не-повседневностью. Он пришел к выводу, что повседневность – не есть лишь мир маленького человека, это мир всех людей, в котором должны исследоваться не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания.

Представления и понятия истории повседневности воздействуют на исследования макроистории, в частности, на историческую динамику. Так, важнейшей идеей относительно повседневности является представление о ней как о сложной ткани переплетения различных порядков, компенсирующих ослабление или разрушение их в одном месте за счет усиления в другом [26]. Эта мысль оказывается очень продуктивной при исследованиях макроистории. Объяснительные схемы истории изменились. Если прежнее описание истории было насквозь детерминистским, в этой модели история представала как система динамичных, непрерывных изменений, сознательно совершаемых людьми, то новая история не управляется больше желаниями, намерениями, ценностями и идеалами людей так жестко и последовательно, как это было в прошлой истории. Она как будто бы выпала из-под власти человеческого разума. Для ее описания оказались больше пригодными математические методы, позволяющие работать с последовательностями, рядами, сериями событий, которые не находятся в причинно-следственной связи.

Изменения предстают в новой истории как сдвиги в самых фундаментальных предпосылках. Они имеют парадигмальный характер. Не отдельные люди, а структуры их взаимосвязей – вот что оказывается важным. Менталитет, рациональность, коммуникативные нормы, структуры повседневности – нечто, считающееся незыблемым, самоочевидным и не привлекающим внимания в силу своего постоянства – тем не менее, изменяются, и эти точки ломки старых и формирования новых парадигм привлекают современных историков... Человек – функционер структуры. Отсюда понятно почему внимание исследователей истории переключилось от человека к тем структурам, которые он исполняет, на службу которым он отдает свой разум и сердце [26. С.141-142].

Структуры человеческих взаимосвязей, взаимопереплетение различных факторов – вот, что оказывается существенным для развития истории. Об этом пишут многие современные ученые – это и И. Валлерстайн [27], и Р. Коллинз [28], и П. Мэннинг [29], и Н.С. Розов [30].

Современные многообразные модели исторического развития [30] построены с учетом взаимопереплетения этих значимых факторов, этих структурных взаимосвязей.

Среди этих факторов самые разнообразные – это и природные условия, и субъективные, и, как отмечал Валлерстайн [27. С.110], нормы, решения, «рациональности», а также паттерны или социально обусловленные способы действий, предрасположенность действовать определенным образом, т.е. те же габитусы или схемы действий людей, и то, что вслед за Н. Элиасом называют «человеческими режимами». На основе учета этих составляющих и тенденций социального развития в определенном регионе сегодня возможно прогнозировать те или иные социальные события. Так, уже ставший классическим пример предсказания Р. Коллинзом [28] развала Советского Союза. На наш взгляд, эти успехи в исследовании и прогнозировании истории наряду с другими факторами объясняются также применением подходов, используемых в изучении повседневности, к анализу макроистории. В этом нет ничего неожиданного, во-первых, и макроистория есть повседневность, во-вторых, сказывается распространение идей повседневности, в частности, например, такой ученый, как Валлерстайн, является учеником и продолжателем идей основателя исследований повседневности Фернана Броделя.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в XXI веке уже всеми признано, что история повседневности стала заметным и перспективным течением в исторической науке. Ныне историю повседневности уже не называют, как это было раньше, «историей снизу», и отделяют ее от сочинений непрофессионалов. Ее задача – анализ жизненного мира простых людей, изучение истории повседневного поведения и повседневных переживаний.

История повседневности интересуется, прежде всего, многократно повторяющимися событиями, историей опыта и наблюдений, переживаний и образа жизни. Это история, реконструированная «снизу» и «изнутри», со стороны самого человека. Повседневность – это мир всех людей, в котором исследуется не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и повседневное поведение, мышление и переживания. Развивается специальное микроисторическое направление «истории повседневности», концентрирующееся на одиночных обществах, деревнях, семьях, автобиографиях. Интерес представляют маленькие люди, мужчины и женщины, их столкновения со значительными событиями, такими как индустриализация, образование государства или революция.

Историки очертили предметную область повседневного бытия человека, указали на методологическую значимость его исследования, так как в эволюции повседневности отображается развитие цивилизации в целом. Исследования повседневности помогают выявить не только объективную сферу бытия человека, но и сферу его субъективности. Вырисовывается картина того, как укладом повседневности детерминированы поступки людей, влияющие на ход истории.

Библиография

1. Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // Одиссей. Человек в истории. 1993. – М., 1993
2. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996.
3. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблема саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996.
4. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996.
5. Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской Республике. – Иваново, 1990.
6. Оболенская С.В. История повседневности в современной немецкой историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990. – М., 1990. С.25.
7. Elias N. Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags. – Opladen, 1982.
8. Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. – Frankfurt am Main, 1977.
9. Elias N. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. – Frankfurt am Main, 1979.

10. Borscheid, P. Plädoyer für eine Geschichte des Alltäglichen // Ene, Liebe, Tod. Studien zur Geschichte des Alltags. – Münster, 1983. – S.1-14.
11. Niethammer, L. Anmerkungen zur Alltagsgeschichte // Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte. – Düsseldorf, 1982. – S.11-29.
12. Niethammer L. Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet 1930-1960. – Dusseldorf, 1986.
13. Tenfeld, K. Schwierigkeiten mit dem Alltag // Geschichte und Gesellschaft/ 0, 1984. – S.376-394.
14. Bergmann, K., Schörken, R. Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte. – Düsseldorf, 1982.
15. Peukert, D. Neuere Alltags Geschichte und Historische Antropologie // Historische Antropologie. – Göttingen, 1984.
16. Steinbach, P. Alltagsleben und Landesgeschichte zur Kritik an einem neuen Forschungsinteresse // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 29. (1979).
17. Kocka, J. Klassen oder Kultur? Durchbrüche und Sackgassen in der Arbeitergeschichte // Merkur 36 (1982).
18. Broszat, M. Plädoyer für Alltagsgeschichte. Eine Replik auf Jurgen Kocka // Merkur 36 (1983). – S.34-52.
19. Kuszynski, J. Geschichte des Deutschen Volkes. 1600-1945. – Köln, 1981/82.
20. Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte. – Düsseldorf, 1982.
21. Geschichte von unten – Geschichte von innen. Kontroversen um die Alltagsgeschichte. – Berlin, 1985.
22. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории. – М.: Наука, 1986. – С.196.
23. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986. – С. 41.
24. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1993. – С.13.
25. Heller A. Das Alltagsleben // Materialien zur Soziologie des Alltags. – Köln, 1978.
26. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб., 1999. – С.291.
27. Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. Вып. I. – С.105-123.
28. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. Вып. I. – С. 234-278.
29. Мэннинг П. Проблема взаимодействия во всемирной истории. // Время мира. Структуры истории. – Новосибирск, 2001. Вып. II. – С.204-221.
30. Розов Н.С. Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика. // Время мира. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. Вып. I. – С.138-175.